

К. А. Кожанов

ИСл РАН, Москва

ЦЫГАНЕ-КИШИНЁВЦЫ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

1. Введение

Цыгане появились на территории Москвы и близлежащих районов, по всей видимости, в начале XVIII в. Долгое время в Москве жили преимущественно цыгане, принадлежащие к этнической группе *ру́ска ромá* (досл. ‘русские цыгане’). Начиная с конца XIX в. цыганское население Москвы и Подмосковья становится все более разнообразным — в первую очередь за счет цыган, приехавших с территории Юго-Восточной Европы (Австро-Венгрия, Валахия, Румыния и под.) — кэлдэраров (котляров), ловаров, кишинёвцев. В XX в. в Москву массово переезжают цыгане из других регионов России; подробнее об истории цыган в Москве и Подмосковье см. [Демертер, Черенков 1987]. Сейчас в Москве и Подмосковье представлено, пожалуй, наибольшее разнообразие цыганских этнических групп в России. Хотя, согласно переписи 2010 г., лишь немногим более 2500 человек, проживающих в Москве и Московской области, указали национальность «цыган», в реальности численность цыган должна быть в несколько раз выше.

Всего в России проживает около 205 000 цыган, из них владение цыганским языком указало чуть более 80% (166 612 чел.). Хотя потеря языка среди цыган наблюдается в некоторой степени (зависит от места проживания — язык чаще утрачивается цыганами, проживающими в больших городах, — а также от этнической группы — например, цыгане-сэрвы чаще утрачивают цыганский язык, чем,

¹ Исследование проведено в рамках проекта «Изучение и описание влашских диалектов цыганского языка в России» (РФФИ 16–34–01044–ОГН; руководитель М. В. Ослон). Приношу благодарность М. В. Ослону за замечания к предварительной версии текста.

например, кишинёвцы, а кэлдэрары пока не утрачивают вообще), можно предположить, что реальное число говорящих на цыганском языке в России несколько выше и должно приближаться к 200 000.

Цыганский язык относится к индоарийской группе индоевропейских языков, т. е. его родственниками являются языки Индии, Пакистана и других соседних стран. Цыганский язык представлен множеством диалектов, распространённых преимущественно на территории Европы. В справочнике языков мира «Этнолог» (англ. *Ethnologue: Languages of the World*; www.ethnologue.com), цыганский характеризуется как макроязык, состоящий из нескольких более мелких языков (балканский цыганский, балтийский цыганский, карпатский цыганский и т. д.), общая численность носителей оценивается в 1,5 млн. чел. Согласно более реалистичным оценкам, количество носителей цыганского языка в мире колеблется в районе 4–5 млн. чел.; см., например, [Matras 2005]. Часто отмечается, что в данные переписей не попадает большое количество цыган. Если мы принимаем это утверждение, то в реальности носителей цыганского языка ещё больше. В некоторых странах Европы отмечается полный или довольно стремительный переход на язык окружающего населения (например, в Великобритании, Испании, Финляндии, Венгрии, Словакии).

Разнообразие цыганских этнических групп в России довольно высокое. Каждая такая группа имеет свой диалект, у которого, как правило, также наблюдаются внутренние говорные вариации; подробнее о диалектном членении цыганского языка в России см. [Черенков 2013; Кожанов, Шаповал, в печати].

В данной статье речь пойдёт о сообществе цыган-кишинёвцев, диалект которых относится к влашской диалектной группе цыганского языка. Эта диалектная группа исторически развилась в зоне распространения румынского языка, но после миграций второй половины XIX в. и XX в. оказалась представленной в самых разных частях Европы и мира (например, Северной и Южной Америке). Язык цыган-кишинёвцев принадлежит к северной подгруппе влашских диалектов, таким образом, ближайшими родственными диалектами на территории России являются диалекты цыган-кэлдэраров и цыган-ловаров.

Предки цыган-кишинёвцев долгое время проживали на территории Бессарабии. Как уже отмечалось в литературе, язык российских цыган-кишинёвцев наиболее близок языку молдавских

цыган-лаешей [Черенков 2013: 17]. По всей видимости, именно они мигрировали с территории Молдавии в конце XIX — начале XX вв. на восток, и именно из них позже сформировалась отдельная этническая группа цыган-кишинёвцев. Близкий, хотя и не идентичный кишинёвскому диалект бессарабского цыгана был записан А. П. Баранниковым в 1920-е гг. [Barannikov 1934: 176–177].

На данный момент цыгане-кишинёвцы — одна из самых малочисленных групп цыган на территории России. Общая численность кишинёвцев едва ли превышает 3–4 тысячи человек. Наибольшее количество цыган-кишинёвцев проживало в г. Саратове в 1960-е гг. По воспоминаниям старшего поколения цыган-кишинёвцев, тогда в одном поселке жили около 60 семей. Сейчас большинство цыган-кишинёвцев, по всей видимости, проживает в Подмосковье (прежде всего на восток от Москвы, в Быково, Раменском, Электростали, Железнодорожном и др.). Впрочем, количество семей кишинёвцев в одном населённом пункте едва ли где-либо превышает 10.

Язык цыган-кишинёвцев до сих пор не описан. Два лингвистических интервью с кишинёвцами были записаны в Украине для проекта Манчестерского университета (Морфосинтаксическая база цыганского языка, англ. Romani Morphosyntax Database, <https://romani.humanities.manchester.ac.uk/rms/>), в России язык кишинёвцев никогда специально не изучался, но стоит отметить, что небольшой текст, транскрибированный Л. Н. Черенковым, был помещён в статье [Бессонов 2011]. Никаких словарей, грамматик или учебных материалов по этому диалекту цыганского языка пока что нет.

В данной статье приводятся диалектные особенности языка цыган-кишинёвцев, проживающих на территории России (преимущественно в Москве и Московской обл.). Самоназвание для лиц мужского пола — *k'išyn'ovár'* мн. *k'išyn'ovár'e* (также *k'išyn'ófco*, мн. *k'išyn'ófcy* ~ *k'išyn'ófcu'á*), для лиц женского пола — *kišyn'ófka*, мн. *kišyn'ófki*. Иногда для обозначения всего сообщества цыган-кишинёвцев используется слово *kišynávo*:

- (1) *and'i s'á o kišynáv-o sás štár kupc-ý*
 в весь ART Кишинёв-DIR.SG быть.PST.3 четыре купец-DIR.PL
 'среди всех цыган-кишинёвцев (досл. Кишинёва) было четыре купца'.

Московских кишинёвцев иногда называют *moskováje*. Язык называется *k'išyn'ovar'icka šib*. В целом язык всех кишинёвцев России

довольно однороден, существующие различия связаны не с местом проживания кишинёвцев, а с родовой принадлежностью. Основные различия наблюдаются между языком так называемых донских и украинских кишинёвцев (последних ещё называют *brăzd'ăje*, это название воспринимается некоторыми цыганами как обидное); подробнее о родовом делении цыган-кишинёвцев см. [Бессонов 2011: 63; Бессонов 2017: 124–125]. Судя по записям, сделанным в рамках цыганского диалектологического проекта Манчестерского университета, а также по моим собственным записям из Одессы, язык кишинёвцев, проживающих в Украине, несколько отличается от языка российских кишинёвцев; отличия касаются преимущественно лексики, например, укр. *živindó* при рос. *trázo* ‘живой’. Согласно моим собственным записям, язык современных молдавских лаешэй также не полностью идентичен языку российских кишинёвцев: отличия наблюдаются в лексике, например, *cyfl'i* ‘полицейский участок’ при рос. *vazd'ii*, в фонетическом облике некоторых слов — молд. *s'áorră* при рос. *sáorră* ‘все’, а также в словообразовании (так, у молдавских кишинёвцев практически нет форм неактивных глаголов с формантом *-in-*, см. об этом подробнее ниже).

Все примеры, приведенные в статье, взяты из собственных полевых записей автора.

2. Особенности кишинёвского в контексте влашских цыганских диалектов

Кишинёвский диалект цыганского языка является типичным представителем так называемой северной группы влашских диалектов. К наиболее ярким фонетическим изменениям от общецыганского состояния, характерным для этих диалектов, относятся:

Переход сочетаний **dl > gl* и **tl > kl*

В частности, результатом этого перехода стали чередования в основе у глаголов типа *phánd'el* ‘связывать’: *phánd'es* ‘ты связываешь’: *phangl'án* ‘ты связал(а)’ (из **phandl'an*); *xut'és* ‘ты прыгаешь’: *xukl'án* ‘ты прыгнул(а)’ (из **xutl'an*).

Утрата смычки у звуков **čh* и **dž*

Такая утрата привела к появлению звуков *ś* [ɛ] и *ź* [z] соответственно.

*čh > ś

*čhavo > śáv ‘сын’

*čhib > śíb ‘язык’

*čhon > śón ‘месяц’

*dž > ź

*džal > źál ‘идёт’

*dženo > źenó ‘один’ (счётное слово)

*džukel > źukál ‘собака’

Переход *aji > *eji

Такой переход наблюдается, например, в лексемах: *daji > *deji > *dej > d'ěj ‘мать’ и *čhaji > *čheji > *šeji > séj ‘дочь’ (заметим, что конечный *ji затем сократился до j, см. дальше).

Переход *Vni > Vji

Такой переход наблюдается, например, в лексеме *xajíng* ‘колодец’ (при рус.-цыг. *xanýng* ‘то же’, где такого перехода нет). Следует, однако, отметить, что во множестве форм женского рода наблюдается вариативность *ji* ~ *ni* в результате выравнивания основ (по аналогии с основами мужского рода): *rromaji* ~ *rroman* ‘i’ ‘цыганский’ (ж. р.) при *rromanó* (м. р.), но, например, всегда *vazdiji* ‘полицейский участок’.

Сокращение конечного *ji > j

В северновлашских диалектах цыганского языка также произошло сокращение конечного *ji. Этот переход отмечен и в кишинёвском диалекте: *pani > *paji > páj ‘вода’, *balani > *balaji > baláj ‘корыто’, *khoni > khoji > khój ‘жир’ и др.

Сокращение конечного *avo > av

Такой переход наблюдается, например, в лексемах *prašavo > prašáv ‘ребро’, *čhavo > śáv ‘цыганский парень; сын’.

Кроме того, в более позднее время в кишинёвском диалекте произошел ряд фонетических изменений, которые не наблюдаются в других или наблюдаются не во всех влашских диалектах цыганского.

Развитие звуков [y] и [ə]

В части диалектов цыганского языка развились звуки [y] и [ə]. В кишинёвском звуки [i] и [y] после согласных распределены контекстно: [i] встречается после мягких согласных, а [y] — после твёрдых. То же можно сказать и о звуках [e] и [ə]; подробнее о развитии

звуков [y] и [ə] в близкородственном кишинёвском кэлдэрарском см. [Osloп 2017].

Смягчение некоторых согласных перед [e] и [i]

Смягчению перед [i] подверглись следующие согласные (даны только те, которые могут быть и мягкими, и твёрдыми): p, ph, b, t, d, k, kh, g, m, n, f, v, l, r, например, **piri* > [p'ir'í] 'кастрюля', **gili* > [g'il'í] 'песня' и др. Остальные согласные, а именно s, z, š, ž, c, x, гг перед [i] не смягчились, ср. **sir* > *sír* 'чеснок', **šing* > *šýng* 'рог'. Смягчению перед [e] подверглись следующие согласные: p, ph, b, t, d, m, n, f, v, l, r. Особенностью кишинёвского диалекта, отличающей его от аналогичного перехода в диалекте российских кэлдэраров (кроме одного говора), является смягчение звука [r], ср. киш. *kər'él* при кэлд. *kərál* 'делает'.

«Иканье»

Суть этого явления заключается в неразличении фонем /e/ и /i/ в предударной позиции, например, **ande* > *and'i* ~ *and'e* 'в', **merel* > *m'er'él* ~ *m'ir'él* 'умирает' и т. д.

Уподобление согласных (b > v)

Такое развитие о *k'ík'i* тмечается в двух лексемах *varvaló* 'богатый' и *valvál* 'ветер'; ср. рус.-цыг. *barvaló* и *balvál* соответственно.

Переход *dj > g' и *tj > k'

Такой переход всегда наблюдается в тех случаях, когда палатальность согласного происходит из сочетания с *j*; ср. *g'és* 'день' < **djes* < **diwes* при *d'él* 'бог' < **del* < **dewel*, *rak'ar'él* 'ночует' при *r'át* 'ночь', *pak'ál* 'верит' и др. При смягчении *t* перед *i* такой переход тоже зафиксирован, хотя наблюдается некоторая вариативность: **kiti* > *kíki* 'сколько', **khatinde* > *khak'índ'e* 'нигде', **tiró* > *k'iró* ~ *t'iró* 'твой'; *pat'ív* ~ *pak'ív* 'уважение'. При смягчении *d* перед *i* такого перехода, как правило, не бывает: только *d'iló* 'глупый'. Перехода также не наблюдается, если перед мягким согласным есть щелевой: *p'irost'i* 'треножник', *p'ext'i* 'холодец', *sost'á* 'штаны'.

Переход *v' > j

Звук *v* в сочетании с *j* всегда утрачивается, ср. *phív* 'земля' и *phujá* 'земли' (из **phuvjá*). Как правило, *v* переходит в *j* перед *e* и *i*,

например, *savó* ‘какой’ и *sají* ‘какая’, *prašáv* ‘ребро’ и *prašajé* ‘рёбра’. В то же время в некоторых позициях наблюдается вариативность $v \sim j$, ср. *av'ér* ~ *ajér* ‘другой’, также глагольные формы. Есть несколько исключений, так, только *iv'énd* ‘зима’, *v'ink'ar'él* ‘зимовать’.

Сохранение звука *rr*

В диалекте кишинёвцев сохраняется особый раскатистый (долгий) согласный [rɫ], который следует считать отдельной фонемой, ср. *porá* ‘перья’ и *porrá* ‘кишки’. Тем не менее в речи этот звук часто утрачивает геминатный характер и, таким образом, совпадает с [r]. К сожалению, специальных работ, посвященных этой теме, нет, поэтому приведённые здесь наблюдения основываются исключительно на восприятии автора статьи. Кажется, что потеря геминатного характера *rr* чаще происходит в речи более молодого поколения. Однако даже в тех случаях, когда долгота утрачивается, «новое» *r* не смягчается перед *e* и *i*, ср. минимальную пару *čorrymós* ~ *čorymós* ‘бедность’ и *čor'imós* ‘воровство’. Кажется, что в некоторых позициях, а также лексемах существует большая или меньшая вероятность утраты/сохранения долготы. Так, долгота обычно сохраняется в позиции между гласными (в частности в уменьшительном суффиксе *-orr-*) и чаще утрачивается в начале и конце слова: *róm* (чаще) ~ *rróm* (реже) ‘цыган’, *kór* (обычно только так) ‘шея’, но *korrátar* ‘за шею’. В некоторых лексемах долгота практически никогда не встречается (хотя должна быть там согласно исторической реконструкции), например, слово *maró* ‘хлеб’. Эти случаи могут быть объяснены влиянием других диалектов (в первую очередь диалекта русских цыган, в котором раскатистый звук [rɫ] вообще отсутствует). Исторически звук [rɫ] развился из ретрофлексных звуков **t*, *d*. Он также встречается в начале слова перед гласной и в середине слова между гласными в румынских заимствованиях, ср. *rrusýja* ‘Россия’, таким образом, сохраняется старое произношение начального *r* в румынском языке².

Среди **морфологических** особенностей кишинёвского диалекта можно отметить:

² Подробнее о сохранении старого румынского *r* в румынских заимствованиях в цыганском см. [Ослон, в печати].

Окончание 3 л. ед. ч. прош. вр. -av

В отличие от большинства цыганских диалектов, которые в 3 л. ед. ч. прош. вр. имеют окончание *-as* или *-a*, в кишинёвском диалекте отмечается регулярное окончание *-av*, например, *kərd'áv* 'он(а) сделал(а)', *b'ešl'áv* 'он(а) сел(а)'. В речи конечное *-v* может иногда не произноситься, но всегда четко слышится в формах давнопрошедшего времени (которые образуются с помощью постфикса *-as*, добавляемого к формам претерита): *kərd'avas* 'он(а) сделал(а)', *b'ešl'avas* 'он(а) сел(а)'. Такое окончание не рассматривается в наиболее подробном на данный момент описании цыганского языка [Matras 2002], его этимология не вполне ясна, но представляет несомненную ценность для исторической морфологии цыганского языка.

Образование неактивных глаголов

В цыганском языке неактивные глаголы образуются при помощи особого суффикса *'-/-'ov--'uv-* (во втором виде суффикс встречается в IMP.2SG, а также 1SG.PRS и 1PL.PRS) от причастий и прилагательных, ср. *mardó* 'битый' (от глагола *marél* 'бить') : *márd'ol* 'дерется', *loló* 'красный' : *lol'ól* 'краснеет'. Особенностью кишинёвского диалекта является то, что никаких лексических ограничений на образование глаголов от причастий не наблюдается (за исключением причастий, образованных от заимствованных глаголов). Кроме того, неактивные глаголы могут быть образованы как с, так и без дополнительного форманта *-in-* (его можно рассматривать как часть суффикса *-in'a-*). Таким образом, в кишинёвском представлены пары неактивных глаголов без какого-либо семантического различия: *márd'ol* : *mardin'ájel* 'дерется', *ankalád'ol* : *ankaladin'ájel* 'вытаскивается', *lašárd'ol* : *lašardin'ájel* 'улучшается' и др.

Образование нереальных условных конструкций

В кишинёвском диалекте наблюдается особый способ образования нереальных условных конструкций, когда в самом условии используется причастие (производное как от исконных, так и заимствованных глаголов), не согласуемое по числу и роду с субъектом, ср. примеры (2–3):

- (2) *ta a(j)i-ló l-át'e loj-é,*
 PRТ БЫТЬ-P.NA 3-LOC.SG.F ДЕНЬГИ-DIR.PL

m'é trád-av-as l-ása
 1.DIR.SG ехать-1SG-IRR 3-INS.SG.F

‘если бы у неё были деньги, я бы с ней поехал’

(3) *ta zvon'isar-dó, m'é l-áv-as tut mánca*
 PRT звонить-P.NA 1.DIR.SG брат-1SG-IRR 2.OBL.SG 1.INS.SG

‘если бы [ты] позвонил, я бы тебя взял с собой’

Внутри кишинёвского диалекта также наблюдаются незначительные **говорные различия**. Язык цыган-кишинёвцев достаточно однороден: небольшие различия наблюдаются в языке так называемых донских кишинёвцев, переехавших в Россию ещё в начале XX в., и «украинских» кишинёвцев, которые в основном перебрались из Украины в Россию после Второй мировой войны. Основное различие между этими двумя говорами в реализации румынского дифтонга *oa*, ср. дон. *n'epáta* при укр. *n'epóta* ‘племянница; внучка’ из рум. *nepoatǎ*; дон. *sákra* при укр. *sókra* ‘свекровь; тёща’ из рум. *soacrǎ* и др. Иногда самими носителями отмечаются некоторые лексические отличия, например, дон. *cólo* и укр. *lyi'cár* ‘ковёр’, дон. *karf'in* и укр. *synta* ‘гвоздь’, но не вполне ясно, насколько они строги. В Москве и Московской области проживают как «донские», так и украинские кишинёвцы, поэтому в речи представлены все эти варианты.

3. Влияние языков окружающего населения

Диалект кишинёвцев испытал значительное влияние молдавских говоров румынского языка. Тем не менее никто из известных мне кишинёвцев, проживающих в России, не владеет румынским языком. По воспоминаниям самих цыган-кишинёвцев, румынский ещё знали люди, жившие в середине XX в. До сих пор некоторые кишинёвцы вспоминают песни на румынском языке, произносят ритуальные формулы (например, колядки), как правило, не понимая содержания. В настоящее время диалект кишинёвцев испытывает значительное влияние со стороны русского языка: в речи молодого поколения часты неадаптированные глагольные формы из русского языка. Разберём примеры влияния подробнее.

3.1. Влияние румынского языка

Румынские лексические заимствования многочисленны и встречаются в самых разных частях речи: существительных (*dóhoto* из рум.

dóhot ‘смола’, *lum’ína* из рум. *lumínă* ‘свет’, *motáno* из рум. *motán* ‘кот’), прилагательных (*múto* из рум. *mut* ‘немой’, *skúmpo* из рум. *scump* ‘дорогой’, *urrýto* из рум. *urít* ‘уродливый’ и др.), глаголах (*askucól* из рум. *a ascúti* ‘точить’, *m’er’it’íl* из рум. *a mărită* выдавать замуж’, *pr’iil* из рум. *a privi* ‘смотреть’ и др.), наречиях (*atúnči* от рум. *atúnci* ‘тогда’, *d’ezába* от рум. *degeába* ‘зря’, *inkə* от рум. *încă* ‘ещё’ и др.), предлогах (*la* ‘в’, *d’e la* ‘из, от’, *kus’á* ‘вместе с’) и др. Существительные, прилагательные и глаголы румынского происхождения всегда адаптируются к цыганской морфологии.

Фонетика и лексический состав некоторых румынских заимствований отличается от литературного румынского. Такие случаи следует объяснять не «трансформацией» заимствований в диалекте кишинёвцев [Черенков 2013: 17], а вариантом румынского, на котором говорили предки цыган-кишинёвцев, — говорами молдавского диалекта румынского языка³. На молдавское происхождение румынских заимствований указывает: i) переход *vo* и *vu* в *ho* и *hu* соответственно, например, кишин. *hórba* ‘слово’, молд. *hórbă* и литер. рум. *vórbă*, кишин. *húl’p’a* ‘лиса’, молд. *hulpe* и литер. рум. *vulpe*; ii) переход *pi* в *k’i*, например, кишин. *k’ip’ér* ‘перец’, молд. *chiper* при лит. рум. *piperi*. Кроме того, имеются лексические молдавизмы, например, *patlažáva* ‘помидор’ (рум. молд. *pătlăgeá* или с определенным артиклем *pătlăgeáua* при рум. лит. *roşie* или *tomată*), *žymúš* ‘дыня’ (рум. молд. *zămós* при рум. лит. *pépenegalben*). В то же время многие заимствования являются древними и сохраняют фонетический облик, давно утраченный в самом румынском языке: *vr’ám’a* ‘время’ при литер. рум. *vréme* (славянский звук, на письме передававшийся буквой ѣ, заимствовался в румынский язык как дифтонг *ea*, который затем в некоторых позициях в XV–XVI вв. монофтонгизировался в *e*; подробнее см. [Rosetti 1986: 444–446]).

Румынское влияние наблюдается и в ряде морфонологических чередований, которые не только были заимствованы из румынского, но также используются для новых заимствований из русского языка, например, в существительных мужского рода: *-ko* (ед. ч.) > *-će* ~ *-ć* (мн. ч.), *bumbáko* : *bumbáce* ‘вата’, *nasóko* ‘носок’ : *nasóce* ‘носки’, *rybáko* ‘рыбак’ : *rybáce* ‘рыбаки’ и т. д.

³ Данные по молдавскому диалекту румынского языка были взяты из [Удлер 1976], а также из лексикографического портала <https://dexonline.ro/>.

В кишинёвском диалекте встречается целый ряд морфологических заимствований из румынского языка. В первую очередь это касается диминутивных суффиксов: *-aș-*, например, *t'el'ár* 'стакан' : *t'el'arăș* 'рюмка', *mak'imár* 'пьяница' : *mak'imarăș* 'пьянчужка'; *-el-*, например, *kopáko* 'дерево' : *kopacélo* 'деревце', *jásiko* 'ящик' : *jašicélo* 'ящичек'; *-vár-*, например, *m'il'ija* 'мука' : *m'il'ivára* 'немного муки', *hært'ija* 'бумага' : *hært'ivára* 'бумажка'; *-șor-*, например, *múto* 'немой' : *mut'ișóro* 'неменький', *ćájo* 'чай' : *ćajușóro* 'чаёк'; *-șar-*, например, *bl'úca* 'блюдец' : *bl'ucușára* 'блюдечко', *trásta* 'сумка' : *trast'ișára* 'сумочка'. Как видно из примеров, румынские диминутивные суффиксы могут присоединяться не только к румынским заимствованиям, но и к исконным словам, а также заимствованиям из русского языка.

Из румынского языка была также заимствована глагольная приставка *d'es-*, которая может присоединяться к исконным глаголам, например, *bilál* 'тает' : *d'ezb'ilál* 'остывает', *xol'ájel* 'злится' : *d'esxol'ájel* 'перестаёт злиться', *mukál* 'пускает' : *d'ezmukál* 'выпускает'.

3.2. Влияние русского языка

Наибольшее влияние на кишинёвский диалект цыганского языка в настоящий момент оказывает русский язык. Все носители кишинёвского диалекта по крайней мере билингвы, все свободно владеют русским языком. Хотя в целом кишинёвский диалект очень хорошо сохраняется, в последние двадцать лет владение русским языком значительно улучшилось. Более того, в последние годы дети цыган-кишинёвцев всё чаще выучивают русский язык в качестве первого и только позже начинают говорить по-цыгански. Ещё два поколения назад ситуация была противоположной. Впрочем, русская речь многих кишинёвцев имеет диалектные особенности, в частности многие кишинёвцы произносят фрикативное «южное» [h] (это связано с тем, что многие кишинёвцы переехали в Центральную Россию из южных регионов). Лексические заимствования из русского языка многочисленны, часто являются окказионализмами и покрывают все части речи: существительные (*hast'in'ica* из рус. *гостиница*, *skandálo* из рус. *скандал*, *dúxur'a* из рус. *духу* и др.), прилагательные (*sr'édn'ij* 'средний', *donsk'ije* 'донские'), глаголы (*kaćuíl* из рус. *кочевать*, *l'ub'il* из рус. *любить*, *fstr'icíl* из рус. *встречать*), наречия (*srázu* из рус. *сразу*, *r'étká* из рус. *редко*, *pastajáno* из рус. *постоянно* и др.) и пр. В отличие от румынских заимствований, заимствования из русского языка не всегда подвергаются

морфологической адаптации. Так, прилагательные не адаптируются никогда, а глаголы часто вставляются с русскими окончаниями (подробнее об этом см. ниже). Широко распространена мена кодов.

В диалекте цыган-кишинёвцев используются некоторые морфологические заимствования из русского языка, например, показатели неопределённости *-to*, *-nibud'*.

Кроме того, изредка используются глагольные приставки, заимствованные из русского языка. Как правило, русские глагольные приставки регулярно используются лишь с ограниченным количеством лексем с идиоматизированным значением (не в пространственных значениях), а с остальными глагольными лексемами только спорадически. Особенно частотны лексемы *pop'er'el* и *zakar'el* (иногда в варианте *zokar'el*). В следующей таблице представлены регулярно встречающиеся глаголы с русскими приставками и некоторые примеры окказиональных образований.

<i>pop'er'el</i> 'попадает (куда-л.)'	<i>p'er'el</i> 'падает'	рус. <i>попасть</i>
<i>zakar'el</i> 'зарабатывает'	<i>kar'el</i> 'делает'	рус. <i>заработать</i>
<i>zd'el</i> 'сдаёт (экзамен)'	<i>d'el</i> 'даёт'	рус. <i>сдать</i>
<i>zamar'el</i> 'забывает'	<i>mar'el</i> 'бьёт'	рус. <i>забить</i>
<i>obxalp'e</i> 'объедается'	<i>xal</i> 'ест'	рус. <i>объесться</i>

- (4) *óv* *po-p'el'á-v* *ando* *bár*
 3.M.DIR.SG PVB-падать-3SG.PST в тюрьма.DIR.SG
 'он попал в тюрьму'

В кишинёвском диалекте есть продуктивная модель адаптации заимствованных глаголов.

3SG.PRS : 3SG.PST	
<i>naznačil</i> : <i>naznačisard'áv</i>	рус. <i>назначить</i>
<i>sn'im'il</i> : <i>sn'im'isard'áv</i>	рус. <i>снимать</i>
<i>fstr'ic'ilp'e</i> : <i>fstr'ic'isajl'av</i>	рус. <i>встречаться</i>

Тем не менее очень часто русские глаголы вставляются в речь вместе с русской морфологией, ср. примеры (5–6):

- (5) *tú* *abjasní* *l'e* *manuš-ás-kə*
 2SG.DIR объяснять.2SG.IMP[RUS] ART.M.OBL человек-OBL.SG-DAT
só *gadajá* *brəzd'áj-e*
 что это брэздяно-PL.DIR
 'ты объясни человеку, что такое «брэздяе»'

- (6) *murr-ó* *dád* *ph'en'-él* *so* *l'-éskə*
 мой-SG.M.DIR отец.DIR.SG сказать-3SG.PRS что 3-SG.M.DAT
čajl'-ól *put'išóstvavat'*
 нравиться-3SG.PRS путешествовать.INF[RUS]
 'мой отец говорит, что ему нравится путешествовать'

4. Заключение

Кишинёвский диалект цыганского языка используется сравнительно небольшой общиной, большая часть которой проживает в Москве и Подмоскowie. Изменившиеся во второй половине XX в. социально-экономические условия (прежде всего, запрет на кочевье и, как следствие, оседлая жизнь) привели к увеличивающейся роли русского языка. Хотя говорить об утрате цыганского языка пока оснований нет — все цыгане-кишинёвцы хорошо владеют своим диалектом, — постепенно русский язык употребляется всё чаще. В последние годы нередки случаи, когда дети цыган-кишинёвцев в качестве первого языка осваивают русский (впрочем, цыганским тоже владеют, но обычно в более позднем возрасте). Такая ситуация, с одной стороны, свидетельствует о необходимости описания этого диалекта, а также создании обучающих материалов на нём, а с другой, позволяет наблюдать некоторые изменения, происходящие с языком, в режиме реального времени.

Для теории языковых контактов особенно интересен процесс заимствования морфем (в данном случае русских глагольных приставок). Данные кишинёвского диалекта интересны в рамках лексического подхода к заимствованию морфологии, ср. [King 2000], согласно которому новые морфемы проникают в язык через небольшую группу заимствованных лексем и только позже грамматализуются в новую деривационную модель. В кишинёвском диалекте цыганского языка приставки заимствуются как часть сильно идиоматизированных славянских глаголов (в непространственной семантике, которую обычно принимают за основную), т. е. пока что славянские приставки не употребляются как продуктивные аффиксы, а лишь используются для копирования конкретных русских глаголов. С другой стороны, в кишинёвском диалекте уже был пример заимствованной глагольной приставки *d'es-* из румынского языка:

<i>d'eskər'él</i> 'открыть'	<i>kər'él</i> 'делать'	рум. <i>desface</i> (при рум. <i>face</i> 'делать')
<i>d'eshkijól</i> 'отдыхать'	<i>khijól</i> 'уоставать'	?
<i>d'ezmar'él</i> 'отбить (мужа)'	<i>mar'el</i> 'бить'	рус. <i>отбить</i>
<i>d'ezmukál</i> 'спустить (собаку)'	<i>mukál</i> 'пускать'	рус. <i>спустить</i>

Можно предположить, что это сделало словообразование кишинёвского диалекта более восприимчивым к новым глагольным префиксальным словообразовательным морфемам.

Другой интересный пример изменений в результате языковых контактов — это изменение способа интеграции заимствуемых глаголов в цыганскую речь. Если раньше все заимствуемые глаголы адаптировались с помощью особой морфемы (это справедливо, в частности, для всех заимствованных румынских глаголов), то теперь очень часто русские глаголы вставляются в цыганскую речь вместе с русской глагольной морфологией. Вставка парадигмы — всегда признак особенно интенсивных контактов между языками и широко распространённого билингвизма, см. [Wohlgemuth 2009: 118].

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ART — артикль; DIR — прямая форма; F — женский род; IMP — повелительное наклонение; INF — инфинитив; INS — инструментальный падеж; IRR — ирреалис; LOC — местный падеж; M — мужской род; NA — несогласованная форма; OBL — косвенная форма; SG — единственное число; P — причастие; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PRT — частица; PST — прошедшее время; RVB — преверб; RUS — вставка из русского языка

Литература

- Бессонов 2011 — Н. В. Бессонов. Этническая группа цыган-кишиневцев // *Revista de etnologie și culturologie*. 2011. Vol. IX–X. С. 62–75. [N. V. Bessonov. *Ètnicheskaia gruppatygan-kishinevtsev* [Ethnic Romani group of Kishinyovtsy]. *Revista de etnologie și culturologie*. 2011. Vol. IX–X. P. 62–75].
- Бессонов 2017 — Н. В. Бессонов. Этнонимы и прозвища цыган в СССР и на постсоветском пространстве. [N. V. Bessonov. *Ètnonimy i prozvishcha tsygan v SSSR i na postsovetском prostranstve* [Ethnonyms and nicknames of Roma people in USSR and post-Soviet countries]] //

- Kirill Kozhanov, Mikhail Oslon, Dieter W. Halwachs (eds.). Das amen godi pala Lev Čerenkov. Romani historija, čhib taj kultura. Graz: GLM, 2017. С. 111–142.
- Деметер, Черенков 1987 — Н. Г. Деметер, Л. Н. Черенков. Цыгане в Москве // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 40–49. [N. G. Demeter, L. N. Cherenkov. Tsygane v Moskve [Roma people in Moscow] // Ètnicheskie grupy v gorodakh evropejskoj časti SSSR (formirovanie, rasselenie, dinamika kul'tury). Moscow, 1987. P. 40–49]
- Кожанов, Шаповал, в печати — К. А. Кожанов, В. В. Шаповал. Цыганский язык и его диалекты // А. В. Черных, Н. Г. Деметер (ред.) Цыгане, в печати. [К. А. Kozhanov, V. V. Shapoval. Tsyganskij iazyk i ego dialekty [Romani and its dialects] // A. V. Chernykh, N. G. Demeter (ed.) Roma, in print].
- Ослон, в печати — М. В. Ослон. Отражение южнославянского *г в цыганских заимствованиях из старорумынского // Вопросы языкового родства, в печати [M. V. Oslon. Otrazhenie iuzhnoslovianskogo *г v tsyganskikh zaimstvovaniiah iz starorumynskogo [Reflexes of South Slavic *г in Romani borrowings from Old Romanian]. Voprosy iazykovogo rodstva, in print].
- Удлер 1976 — Р. Я. Удлер. Диалектное членение молдавского языка. Кишинёв: Штиинца, 1976. [R. Ia. Udler. Dialektnoe chlenenie moldavskogo iazyka. [Dialectal distribution of Moldovan]. Kishinev: Shtiinca, 1976].
- Черенков 2013 — Л. Н. Черенков. Цыганская диалектология в России: современное состояние и задачи // К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, А. Ю. Русаков. (ред.). Цыганский язык в России. Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России: Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 6–24. [L. N. Cherenkov. Tsyganskaia dialektologija v Rossii: sovremennoe sostoianie i zadachi [Romani dialectology in Russia: current state and tasks] // К. А. Kozhanov, S. A. Oskol'skaia, A. Ju. Rusakov (eds.) Tsyganskij iazyk v Rossii. Sbornik materialov Rabocheho soveshčaniia po tsyganskomu iazyku v Rossii: Sankt-Peterburg, 5 oktiabria 2012 g. St. Petersburg, 2013.] Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. P. 6–24].
- Barannikov 1934 — А. П. Баранников. The Ukrainian and South Russian Gypsy Dialects. Leningrad: Publishing office of the Academy, 1934.
- King 2000 — R. King. The Lexical Basis of Grammatical Borrowing. Philadelphia, Amsterdam: John Benjamins, 2000.
- Matras 2002 — Y. Matras. Romani: A linguistic introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Matras 2005 — Y. Matras. The status of Romani in Europe. Report submitted to the Council of Europe's Language Policy Division, October 2005.

- Oslon 2017 — M. Oslon. Jek pušimos la istorijaka fonetikako la kêldêraricko šibaki: le vokalongê zutengi e : ê aji : î distribucîja [An issue of historical phonetics of Kalderash: distribution of vowels e : ə and i : y] // Kirill Kozhanov, Mikhail Oslon, Dieter W. Halwachs (red.). Das amen godipala Lev Čerenkov. Romani istorija, čhib taj kultura. Graz: GLM, 2017. C. 325–338.
- Rosetti 1986 — A. Rosetti. Istoria limbii române. București: Editura Științifică și Enciclopedică. 1986.
- Wohlgemuth 2009 — J. Wohlgemuth. A Typology of Verbal Borrowings. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009.